

4. Эксперименты и экскременты.

Сборник стихов Бориса Глубокова «Блики», вышедший в издательской фирме «Кадр-2000» в 1998 году, к сожалению, попался мне на глаза с опозданием на шесть лет и уже безнадежно устарел для критического обзора. Но он до того поразил и покорила меня смелостью поэтических приёмов и нестандартностью, я бы даже сказала, непредсказуемостью авторского мышления, что я решила всё-таки уделить ему персональное внимание.

Открывается сборник таким авторским предисловием: «Вынесение первой книги на суд читательский, на позор («в значении лицемерия» – кокетливо поясняет поэт, но увы, по прочтении книги начинаешь воспринимать это слово в его привычном, обиходном значении) сравним для меня с выносом собственного тела. Когда-то сделать это нужно... Итак, оно (дело – Н.К.) сделано (как говорил палач). Слово за вами».

Ну что ж, слово за мной. («Палач наострил секиру», – вспомнился к слову Куракин). Пусть автор не обижается. «Название книги – не случайное, – как говорится в рецензии на неё Л. Чирковой, – ибо в стихах отражены, по мнению автора, наброски, наблюдения, мимолётность пролетающей жизни». Что же это за наблюдения? Предоставим слово поэту.

Один лишь дворник доскребаёт прах,
что оставляют голуби и дети,
да призрак в раззолоченной карете
не может туалет найти впотьмах.

Вообще-то призраки туалетами не пользуются, да и на каретах не ездят. Но эта милая лирическая дерзость меркнет в сравнении с жутким образом «детского праха», который «доскребаёт дворник». Маяковский с его «я люблю смотреть, как умирают дети» отдыхает.

Блудует там с засранцем-иностранцем
в ночи супруга Синея Бороды.

Если уж кто и засранец, то никак не иностранец, не надо свои отечественные пороки приписывать за границе. С туалетами у них там как раз всё в порядке.

Ни девица шальная, ни мент,
ни случайный прохожий
не зайдёт в этот парк с поэтической целью
или так – по нужде.

Восхитительно это непринуждённое «или». Для поэта, видимо, то или это – небольшая разница.

Многие мочатся тут с испугу,
другим представляется, что тут не хватает круга.
Озабоченность мыслью рождает образ.

Это уж точно. Правда, обычно встречается сексуальная, половая озабоченность, здесь же – мочеполовая.

А там, глядишь, – и кончен счёт,
но мнится – нечет или чёт?
И почему моча течёт,
не зная берегов?

«А почему? – не спрашивай», – сам себе отвечает автор в следующем стихотворении «А почему? – спроси себя на милость...» А. Ахматова имела обыкновение говорить о среднего уровня стихах: «Моча в норме». Здесь, к сожалению, этого не скажешь. Да и по количеству урины на один сборник – явный перебор.

Если попросят, суя ладонь, то дай слабинку.
Отожми слезу и сердца ослабь биенье.
Принимая кайф, заката, как солнце, ширинку.
Поумерь свой пыл, изрыгни влечение.

«Ширинка, как солнце» – смелое, неизбитое сравнение, хотя и с трудом представимое. Не менее изящно и это «изрыгни влечение». Брутально, круто сказано.

Да, мы варили крутенько,
зато уж и расхлёбывать!

А расхлёбывать-то читателю. Только как бы он не «изрыгнул» это варево обратно.

Забыть бы, что загажено,
за давностию лет...

Нет, такие стихи «за давностию лет» не забываются. Это самый что ни на есть смачный плевок в вечность. «Снег летит, хорошо – не дерьмо» – вспомнилась по аналогии бессмертная строчка А. Сокульского. Или А. Александрова: «Птичка на левый покакала, что ли, ботинок?» Не поэзия, а экскременты какие-то.

В поэтическом творчестве Бориса Глубокова я бы вычленила две основные

темы. Первую, о которой мы только что говорили, можно определить как «писсуарную». Вторая – более традиционная. Назовём её, условно говоря, сексуальной.

А Черномор там в сексуальных плавках
на брег выводит злобных молодцов.

Что-то, помнится мне, у Пушкина никаких плавков на Черноморе не было. То есть я вовсе не это хочу сказать, не в смысле, что без плавков, а... тьфу! Как там у классика: «В чешуе, как жар горя, тридцать три богатыря...» А Черномор – дядька без всяких там плавков... тем более, сексуальных. А в самом деле, в чём же был Черномор? – задумалась я. Как-то до Глубокова этот вопрос – о сексуальности дядьки Черномора – в нашем литературоведении ещё не поднимался. «В чешуе, как жар горя...» Может быть, слово «чешуя» вызвала у поэта ассоциации с небезызвестным творением Вилли Токарева «Эх, хвост, чешуя, не поймал я... ничего»? Иначе почему в другом стихотворении читаем такое:

Сначала взялись буйствовать,
затем пошли на... ть.

Многовато буковок пропущено. Боюсь, не догадается читатель, какая там рифма. Ась? А вот ещё перл:

Ненужность откровений,
натруженность соитий.

Какая смелость сексуальной мысли, какая раскованность слога!

Окстись нелепице
и – марш – бросок
к себе любимому
из всех постелей!
...Так глохни и немей
в восторге естества,
в ответ на плотский зов
скотиною осклабься.

Ну что уж о себе так-то. Впрочем, в ряде стихов автор в припадке ложной скромности пытается прикинуться, ну, мягко говоря, не таким гениальным, каков он есть на самом деле.

Петух иль курочка?
Короче – глуповат!

Краткость вообще-то сестра таланта, но в данном случае в этой родственной связи хочется усомниться.

Там, где ни разу не был в этой жизни,
где не читали Бродского стихи:
быть может, там когда-нибудь да тиснут
мои, совсем убогие стихи, –

пишет он смиренно в стихотворении «Там». Ну, может быть, в этом загадочном Там когда-нибудь – кто знает? – и тиснут. Туда им, как говорится, и дорога. Но здесь-то «тискать» зачем? Причём ведь автор сам сознаёт свою вину перед читателем:

И мне простят повальные грехи.
И не отправят на лесоповал.
Да.

(За что же на лесоповал? Достаточно было бы и более мягкого наказания).
Призрак Бродского витает и в следующих строках:

Если можно жить между днём и ночью,
межеумком прикинься, убогим дурнем.
Запишись в блаженные...

Зачем же прикидываться? Автору нет никакой нужды в этом. Он как бы пытается смягчить суровость читательского суда: что, мол, с меня взять, глуповатого межееумка, убогого дурня, блаженного? Не судите строго, дяденьки. Тем более, что он не один такой:

Да, в мире столько разных слов,
да, в мире столько пустяков,
в нём столько-столько дураков,
в нём благость и атас.

Наверное, не с той ноги
выходят в люди дураки.
Но на подъём они легки
от этого навек.

С той – не с той, но ведь выходят же. Вот и наш автор вышел: много лет

возглавляет отдел культуры в солидном еженедельнике «Земское обозрение», сотрудничает с рядом газет и журналов, публикуется во многих периодических изданиях. Словом, «лёгок на подъём».

А почему? – спроси себя на милость
какую-то и чью-то – всё равно:
ведь если б ничего и не случилось,
то всё равно бы выпало оно
в осадок ожидаемого чуда,
и чудаки сплетали бы слова.

Чудаки и сплетают. Плетут «нелепицу», «дорогие кружева», выражаясь словами самого поэта. А почему бы и нет? На лесоповал ведь не отправят. Одни названия стихов чего стоят: «Коловращение фантазмагорий», «Программа NN», «Сновидание», «Раньше думал» (а сейчас – уже нет?). Название многое говорит об авторе, иногда выдает его с головой.

«Не глубиною манит стих,/ он лишь, как ребус, непонятен», – писал И. Анненский в осуждение «современного лиризма». Что бы он сказал, прочтя «ребусы» Глубокова?

По дороге оттуда,
где нет ни страны, ни селения,
да и дыма костра, теплоты человеческого прения,
ухожу наугад в никуда.

Уходя – уходи. А. Кушнер определял природу стиха как «высокой точности прибор». Высокая точность – органичный признак серьёзной, настоящей поэзии, точность при переводе чувства в слово, тот высокий артистизм, который не терпит пустот и приблизительностей, высокая дисциплина таланта. Здесь обо всём этом говорить не приходится. Кушнер писал о такого рода стихах:

Эта видимость замашек
и отсутствие расчёта –
что-то, в общем, вроде шашек
дымовых у самолёта.
И за словом, на два тона
взятом выше – смрад обмана,
как за поступью дракона,
напустившего тумана.

Глубоков стремится напустить погуще туману:

Уходят в искристо-золотистый, сверкающий
туман наши несбывающиеся мечты.
Реальность становится зыбкой, как
студень и, растекаясь, оседая пористой
жижей, тает с нашим уходом.

И не пытайтесь доискаться смысла. Его попросту нет.

Причём тут логика, когда порою
или, даже, порой
жизнь врезает поддых?

Так что все претензии к жизни, пожалуйста. Такая вот бацилла пробралась в
нашу поэзию: чем путаннее, высокопарнее и непонятнее – тем лучше. А кто не
понимает – просим вас выйти вон.

На заре, на закате и присно
отзвонила о нас благодать.
Нам осталось лишь только без смысла
ни на что, ни про что уповать.

Однако на мандельштамовское «блаженное бессмысленное слово»
глубоковское явно не тянет.

В разряд богемности
не клейся, сволочь», –

как сам он одёргивает себя.

Непорочное сплетение
разыгравшихся желанностей
отвращает от вращения
в этом мире заводном.
И простое нехотение
раздающихся за-данностей...

Русский язык, ау, куда ты подевался? Здесь без переводчика явно не обойтись.
Кто-то очень точно сказал: «Заумь – халат психбольницы, прикрывающий
банальность». Не всегда маскировочный.

Запишись у Бога атакой или отбоем.
Стань собственным сном, цветом небесно-синим,
розой, запах которой рождает мысли,

а они теснятся своим пространством.
Оттенки верни звуку «а» и свистни
светотенью в калейдоскопе – о разном-разном.

Вы что-нибудь поняли? Я – нет. Как ни напрягаю воображение, но не могу представить, что это такое – «свистнуть светотенью в калейдоскопе».

Выбор сделан.
Жребий брошен.
Кости выпали из мяса.

(Представил, читатель? Содрогнулся?)

Тайно – явно.
Знак вопроса.
Мир покинут (вероятно).
По запущенным проходам
кровь холодная играет.

(По каким проходам, простите? Впрочем, неважно. Не будем поверять алгеброй гармонию. Терпеливо читаем дальше).

Переверни слова –
пусть будет всё – игрой.

Пробовала – увы. От перестановки слагаемых содержание не меняется. Как ни переливай из пустого в порожнее – а содержимое всё то же.

Наискосок от тем.
Глаза поднять и па –
дать в облака, но дождь собьёт пыльцу.
И тряпочкой висеть осталось...

Все вы на бабочку поэтава сердца! Взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош, собьёте пыльцу, и в результате – половая тряпочка. Художника обидеть может каждый.

Если так уж подумать – «на колу мочало»
не лишено смысла,
ни бурного оптимизма.
И разная тварь может клюнуть
на эту наживку.

Так это всё «наживка», оказывается! А мы-то, «твари», чуть было на неё не клюнули. Слава богу, вовремя поэт предупредил, что это он так только, «межеумком» прикинулся, «убогим дурнем». На самом-то деле он ого-го! Он такое может!

Пропади себя
ни за грош-полушку,
подели ночлег
с дворовыми псами.
Уходи топориком
ту старушку,
что висит в достоевской
портретной зале.

А вот это уже не поэзия. Это – диагноз. И хоть и пишет автор в «Раньше думал»: «Можно проникнуть в любое место совсем без урона для психики», я что-то в сиём, глядя на эти стихи, крепко сомневаюсь. Урон налицо.

Хоть в раю бы памятник
заказали! –

с досадой восклицает поэт. Боюсь, не дождётся. Даже там.

В статье Л. Чирковой «Исследования движений души», посвящённой презентации этой книги, говорится: «Одним словом «обозвать» всё поэтическое творчество не получится, поскольку мир Б. Глубокова разнообразен, многопланов». А я бы «обозвала». Именно одним словом. Догадайся, каким, читатель.